

С. Г. Кляшторный. *Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии*. М., 1964, 215 стр.

Как известно, руническим памятникам посвящены целые библиотеки, но в качестве источника по истории Центральной и в особенности Средней Азии эти памятники в связи с большой трудностью их интерпретации использовались лишь в небольшой мере. Между тем, нельзя не согласиться с автором рецензируемой работы (стр. 3) в том, что недостаточная изученность истории Средней и Центральной Азии определяется прежде всего слабостью источниковедческой базы — число письменных источников сравнительно невелико; круг событий, которые они отражают, крайне узок; большая часть дошедших до нас источников создана за пределами Средней и Центральной Азии, а время их написания не всегда близко ко времени описываемых событий. Поэтому трудно переоценить значение тех хотя бы и немногочисленных письменных памятников, которые обладают двумя существенными и неоспоримыми для историка достоинствами — авторитетностью и аутентичностью. К числу таких памятников относятся древнетюркские рунические надписи.

Автором проделана очень большая работа по скрупулезному анализу рунических текстов, по их сопоставлению с материалами других источников, по обобщению всей мировой литературы, касающейся затрагиваемых вопросов (а литература эта достаточно велика — автор цитирует около восьмисот работ).

Рецензируемый труд состоит из введения и четырех глав: I — Эпоха рунических памятников; II — Древнетюркские рунические памятники; III — Согдийцы и тюрки; IV — Восточнотюркский каганат и Средняя Азия.

Во введении автор сообщает подробные сведения об открытии и истории рунической письменности, дает характеристику источников (помимо основного объекта исследования — древнетюркских рунических памятников) — арабских, персидских, китайских.

В первой главе рассматривается политическая история тюрков эпохи рунических памятников. Перед читателем разворачиваются драматичные события в истории Азии, началом которых явилось возвышение племени тюрк в VI в. и создание крупнейшего центральноазиатского государства раннего средневековья — Тюркского каганата (551—744 гг.). Напряженные политические события в каганате тесно увязываются автором с политической жизнью в соседних государствах, с социально-экономическим развитием Средней, Центральной и Восточной Азии. И здесь, даже в изложении казалось бы известных факторов, автор вносит много неожиданного и интересного. Такова, например, трактовка деятельности энергичного предводителя тюрков Тоньюкука. Автору удается в полемике с известным современным тюркологом и синологом Лю Мао-цаем весьма убедительно доказать тождество Тоньюкука рунических надписей и Юаньчжэня китайских летописей. В результате автор смог воссоздать интереснейшую биографию одного из наиболее выдающихся деятелей Тюркского каганата, увидеть новые черты в сложной эпохе рунических памятников.

В первых разделах второй главы рассматривается проблема происхождения рунической письменности, ее связь с согдийским алфавитом и время возникновения и существования тюркской руники. Сделанные здесь выводы в целом нельзя не признать убедительными, однако приведенная в рецензируемой книге точка зрения Л. Р. Кызласова о датировке большинства енисейских рунических надписей IX—X вв., пожалуй, преждевременно отнесена автором к числу «уже доказанных» (стр. 48), так как методика, примененная Кызласовым, и его выводы нуждаются в дополнительном обосновании¹. Далее, во второй главе, автор классифицирует памятники по их региональной, историко-политической (этнической) и жанровой принадлежности. Предложенная классификация в целом не вызывает возражений, но вряд ли можно всю группу памятников долины Енисея относить к памятникам Кыргызского государства, так как часть из известных рунических памятников на территории Тувы безусловно не относится к кыргызам.

Большое внимание в главе уделено выяснению историографического значения орхонских памятников. Выделяются крупнейшие памятники Орхона, содержащие ценнейшую информацию для исследования историко-географических, историко-политических и этнографических проблем. С этой точки зрения анализируются памятники Кюль-тегину и Бильге-кагану, надпись Тоньюкука, памятник Кули-чуру и Онгинская надпись. Особый интерес для исторической этнографии Средней Азии имеет проделанный автором интересный анализ этнонимов орхонских надписей (стр. 72—77).

Третья глава посвящена роли согдийцев в истории Средней и Центральной Азии, взаимоотношению согдийцев и тюрков, а также некоторым вопросам ранней этнической

¹ См. И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Б. Бабушкин, *Современная и древняя Енисейка*, Фрунзе, 1962, стр. 30; И. А. Батманов, *О датировке енисейских памятников древнетюркской письменности*, «Уч. зап. Тувинского научно-исследовательского ин-та языка, литературы и истории», вып. X, Кызыл, 1963, стр. 291—302; С. И. Вайнштейн, *Курганы и стела с древнетюркской надписью в урочище Хербис-Баары*, там же, стр. 264—267.

истории тюрков. Рассматривая вопрос о согдийской колонизации Центральной Азии, автор решает одну из интереснейших загадок рунических памятников. В тюркологической литературе хорошо известно породившее немало загадок и гипотез место из надписей Кюль-тегину и Бильге-кагану, содержащее сообщение о победоносном походе тюрков в 701—702 г. на «согдийцев шести чубов» (было крайне неясно, что означает «алты чуб», т. е. шесть чубов). Крупнейшие востоковеды — В. Радлов, В. Томсен, В. Бартольд и другие пытались объяснить это место надписей, предлагая различные гипотезы. Для решения этой загадки автор попытался всесторонне реконструировать историческую обстановку, в которой был совершен поход. В результате удалось установить, что тюрки шли не на запад в Согд, как предполагали многие исследователи этого вопроса, а в район Ордоса, где находились согдийские колонии. Автор устанавливает, что в рунических надписях слово «чуб» передает китайское «чжоу» — округ, а загадочное выражение «алты чуб согдак» в рунических надписях означает «согдийцы шести округов», т. е. область согдийских колоний в Южном Ордосе — Северном Шэньси.

С большим интересом читаются страницы, посвященные согдийским колониям в Центральной Азии, роль и значение которых освещаются автором по-новому.

С целью выяснения начального этапа тюрко-согдийских связей автор рассматривает вопрос о происхождении и ранней истории племени тюрк (түрк).

Значительный интерес представляет вывод автора о том, что в ранней этнической истории племени тюрк можно выделить два этапа — ганьсуйско-гаочанский и алтайский. Приводя известные генеалогические легенды тюрков, сохраненные в китайских летописях, и анализируя их, автор приходит к выводу о сравнительно позднем возникновении этнонима тюрк, который принимает род ашина и подвластные ему роды. На основании сведений о древних связях племени ашина с гуннскими племенами Пиньляна и Хэси, в сопоставлении с тюркскими генеалогическими легендами, автор высказывает весьма интересное и убедительное предположение, что племя ашина иммигрировало в Ганьсу после 265 г., в период массового переселения за Великую стену гуннских и зависимых от гуннов племен Центральной Азии и Южной Сибири. Возможно, что до переселения в Пиньлян и Хэси племя ашина населяло район низовьев р. Эдзин-гол. За время обитания в Пиньляне и Хэси племя ашина приняло в свой состав новый компонент автохтонного некийтайского и негуннского — по всей вероятности индоевропейского по языку — населения страны. Затем политические события заставляют ашина переселиться в Гаочан, где после 460 г. они попали под власть жуань-жуаней и были переселены к южным отрогам Алтая. Здесь племя приняло наименование тюрк, а старое название ашина стало династийным именем правящего рода. В доказательство участия в этногенезе ашина индоевропейских элементов автор анализирует лексические реликты в языке ашина, которые датируются временем до образования каганата.

Автор совершенно прав, предлагая отказаться от традиционной реконструкции ранней истории племени тюрк, согласно которой все события, имевшие место до образования Тюркского каганата, связаны только с территорией Алтая и Южной Сибири. Автор, не отрицая возможности связи племени ашина с Алтаем и Сибирью до момента миграции в районы к югу от Великой стены, отмечает, что лишь после 460 г. в предгорьях Южного Алтая складывается та группировка племен, которая в 551—555 гг., разгромив жуань-жуаней, создает Тюркский каганат. Этот вывод автора подтверждается археологическими материалами — распространение тюркской культуры на Алтае начинается лишь на рубеже V—VI веков. Останавливаясь на точке зрения С. Г. Кляшторного по поводу ранней этнической истории племени тюрк, нельзя не отметить и весьма плодотворную концепцию происхождения племени тюрк и взаимоотношения тюрков-тююк с племенем теле, разработанную Л. П. Потаповым².

Большое место в третьей главе рецензируемой работы отведено исследованию политической и социально-экономической истории согдийских поселений в Семиречье и их роли в истории Средней и Центральной Азии. И здесь много новых интересных выводов, позволяющих пересмотреть ряд традиционных представлений по истории согдийских колонизации Средней и Центральной Азии.

Четвертая — очень емкая по насыщенности материалом — глава посвящена главным образом взаимоотношениям Восточнотюркского каганата с государствами Средней Азии. Представляет значительный интерес точка зрения автора о локализации западной границы Восточнотюркского каганата в период его наивысшего могущества. Как известно, в большой надписи в честь Бильге-кагана и большой надписи в честь Кюль-тегина западной границей названа местность Кянгү Тарбан. Это название до последнего времени не удавалось отождествить с конкретной территорией. Автору удалось убедительно доказать, что Кянгү Тарбаном в рунических текстах именовался Отрар на средней Сыр-Дарье.

Автор приходит к выводу, что печенежские племена Сыр-Дарьи (кенгересы-кангары) характеризуются надписями как самостоятельное этническое целое, противопоставленное их соседям — согдийцам и западнотюркским племенам.

² «История Тувы», т. 1, М., 1964, стр. 55—82.

Очень интересны приводимые автором доказательства в пользу гипотезы, согласно которой авестийская Кангха (Кангюй китайских источников) находилась на средней Сыр-Дарье. Вместе с тем автор указывает, что С. П. Толстов в своих последних работах первоначальную территорию Кангхи-Кангюя относит к области соприкасающихся дельт Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Большое значение для окончательного решения вопроса имел бы археологический материал, пока еще недостаточный для нижней и особенно средней Сыр-Дарьи.

Нельзя не отметить в заключение, что книга написана хорошим языком, сложные вопросы изложены в ней предельно четко и интересно, а потому книгу с удовольствием прочтут не только узкие специалисты, но и все, кого привлекают проблемы истории и этнографии.

К сожалению, работа издана небольшим тиражом (1300 экземпляров), и теперь уже книга является библиографической редкостью. Хотелось бы, чтобы при переиздании в нее были включены иллюстрации, карты, указатели.

Рецензируемая книга далеко вышла за рамки объявленной в заглавии темы, ограниченной исследованием древних рунических памятников как источника по истории Средней Азии, и показала достаточно широкие перспективы использования тех же памятников для исследования многих важнейших проблем средневековой истории Центральной Азии. Выход в свет работы С. Г. Кляшторного напоминает, что настало время подумать об издании «Корпуса древнетюркских рунических памятников» — этого важнейшего источника для изучения истории, быта, культуры, идеологии тюркских племен Центральной и Средней Азии, их первых языковых и литературных памятников.

Книга С. Г. Кляшторного — крупное событие в тюркологии, она бесспорно займет почетное место среди лучших трудов русского востоковедения.

С. Вайнштейн

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

М. Велева. *Българската двупрестилчна носия*. София, 1963, 162 стр. 90 рис., 4 карты. Българска Академия на науките, Етнография институт с музей.

Книга М. Велевой состоит из 12 глав, посвященных описанию и анализу вариантов «двупрестилочной ноши» — женской поясной одежды северо-западной Болгарии, основным признаком которой являются два куска ткани, напоминающие в одних вариантах украинскую плахту, в других — южнорусскую поневу.

М. Велева — один из крупнейших специалистов по материальной культуре болгарского народа. Книга ее — результат многолетней работы, итог многих статей — является серьезным вкладом в болгарскую этнографическую литературу. Для этнографов, занимающихся народами СССР, она также представляет большой интерес, так как элементы болгарской одежды тесно связаны с одеждой восточных славян и других народов европейской части Советского Союза.

Научное общение болгарских и советских ученых, рост культурных связей отразились в работе. М. Велева прекрасно осведомлена о советской этнографической литературе и проводит параллели между болгарской одеждой и аналогами, иногдаходящими до полного совпадения в одежде народов СССР. Болгарский материал включает некоторые недостающие звенья, помогая осмыслить процессы изменений в восточнославянской одежде, как это будет показано ниже.

Описав географический район распространения двупрестилочной одежды, М. Велева указывает связь этой территории с историческим местом объединения семи славянских племен и началом первого болгарского государства на Балканах.

Основная мысль автора — показать древность и славянское происхождение двупрестилочного комплекса женской одежды — иллюстрируется сравнительным материалом. Важнейший элемент этой одежды — рубаху «борчатку» М. Велева, присоединяясь к высказываниям Б. А. Куфтина и К. Мошинского, считает общеславянской, основой для которой послужили два полотнища ткани, скреплявшиеся на плечах фибулами.

С точки зрения Велевой, один принцип объединяет весь комплекс двупрестилочной одежды: разные элементы ее состоят из отдельных кусков ткани (стр. 54). Это относится и к рубахе, и к поясной одежде, и к «нагруднице» и «огорлице» — матерчатым украшениям, закрывающим грудь поверх рубахи (стр. 56). Однако, по нашему мнению, материал, приводимый М. Велевой, не вполне подтверждает принцип кроя, сформулированный ею.

М. Велева, несомненно, права, считая, что единый принцип кроя комплекса свидетельствует о его древности и примитивности, но в описанном ею костюме северо-западной Болгарии нет, с моей точки зрения, такого единства.

Научные наблюдения над историей одежды сейчас выходят из описательной стадии: мы уже можем говорить об известных закономерностях в создании и эволюции одежды. Эти закономерности можно формулировать следующим образом.